

Д. Д. Пиотровский

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ИСЛАНДСКОЙ РОДОВОЙ САГИ

Под информационной структурой в настоящей статье понимается выделение блоков старой информации, уже известной реципиенту, и той, которая вводится впервые. Традиционное название таких блоков — «данное» и «новое»¹. В большинстве жанров современной словесности происходит постепенный и последовательный ввод новой информации². Это положение дел настолько распространено, что создается иллюзия: иначе и быть не может.

Однако обращение к некоторым в той или иной степени специфическим типам текстов показывает, что информационная структура с последовательным вводом нового вовсе не является единственно возможной. В данной статье рассматривается один такой тип или жанр — исландские родовые саги. На первый взгляд сага ничем особенным не отличается от европейского романа XIX–XX веков. Как, например, в «Больших надеждах» Ч. Диккенса или в «Тружениках моря» В. Гюго рассказывается история прежде всего одного героя Филипа Пиррипа или Жильята, то же самое как будто происходит и в «Саге о Гисли», «Саге о Хравнкеле» и других. Правда, В. М. Жирмунский³ отмечал примитивный характер сагового повествования. Согласится с этим не представляется возможным. Достаточно посмотреть на «Сагу о Ньяле» или какую-либо другую сагу большого объема, чтобы убедиться, что данный тип памятников имеет развитую композиционную структуру и нетривиальную систему художественных средств.

Тем не менее имеются существенные различия между сагой и романом. Главная их причина — различие форм бытования. Современный европей-

ский роман подразумевает исключительно письменную форму, в то время как саги об исландцах восходят к устной традиции. Это различие влечет за собой ряд связанных между собой особенностей.

Во-первых, сага, как, видимо, и вообще любой повествовательный текст устной формы бытования предполагает особую основную синтаксическую единицу, а именно — сверхфразовое единство (далее — СФЕ) или период⁴. Для современного литературно-художественного произведения основной единицей синтаксиса безоговорочно является предложение. Предложение и СФЕ имеют различную организацию. СФЕ представляет собой общность прежде всего семантическую. Оно характеризуется единством места, времени, действующих лиц и характера действия⁵. Предложение же имеет в первую очередь структурную организацию. Его главным свойством является предикативность. В свою очередь для предикативной структуры необходима вершина — глагол.

Существенно, что в устном тексте глагол в меньшей степени важен семантически, чем имя⁶. Значит, при переходе от устной формы бытования художественного текста к письменной происходит перераспределение сравнительной ценности основных частей речи. В устном тексте большую роль играет имя, в письменном — глагол.

Следующее звено в рассуждении оказывается особо важным. Глагол является важнейшим, если не основным, средством ввода новой информации⁷. Сопоставив два последние положения, получаем, что художественный текст современного типа, то есть подразумевающий письменную фиксацию, в большей степени ориентирован на последовательный ввод новой информации.

Каково же тогда соотношение данного и нового в устном тексте. Еще раз повторив уже упомянутый ход рассуждения, приходим к выводу, что устный текст устроен так, что ввод новой информации в нем не так уж существен, если вообще имеет место. Для современного читателя (или писателя) текст, не сообщающий ничего нового, может показаться лишенным смысла и права на существования. Однако для средневековой аудитории дело обстояло иначе. Слушатели саги, точно так же, как и слушатели эпических песен, не ждали от исполнения текста новой информации. В саге или эпосе рассказывалось о том, что все и так знали. Устное художественное произведение слушали не для того, чтобы узнать новое, а для того, чтобы получить эстетическое удовольствие от мастерства исполнителя. Слушали не «что», а «как».

Естественно, при таком положении дел сюжетный репертуар саг не мог быть большим. Сюжетами для «саг об исландцах» являются события из жизни исландских первопоселенцев. Причем не любые, а связанные прежде всего с межродовыми распрями — убийствами, кровной мезтью, судебными разбирательствами, выкупом и т. п.

При этом персонажи и события, упомянутые в одной саге, могут встречаться и в другой (одной или нескольких). Этот факт имеет первостепенную важность для дальнейшего изложения. Поэтому позволим себе остановиться на нем более подробно. Сначала приведем примеры некоторых подобных сюжетных сближений.

В ряде моментов совпадения обнаруживаются между «Сагой о гренландцах» и «Сагой об Эйрике Рыжем». Например: *Síðan bauð Leifur Þóri til vistar með sér og Guðríði konu hans og þrem mönnum öðrum en fékk vistir öðrum hásetum, bæði Þóris og sínum félögum. Leifur tók fimmtán menn úr skerinu. Hann var síðan kallaður Leifur hinn heppni. Leifi varð nú bæði gott til fjár og mannvirðingar.* — ‘Лейв пригласил Торира, его жену Гудрид и еще троих на зиму к себе и нашел жилье всем остальным, как людям Торира, так и своим. Лейв снял пятнадцать человек с камня. С тех пор его стали звать Лейвом Удачливым. Он был теперь и богат и славен’ (Grænlandinga saga, пер. М. И. Стеблин-Каменского); и *Leifur fann menn á skipflaki og flutti heim með sér og fékk öllum vist um veturinn. Síndi hann svo mikla stórmennsku og gæsku af sér. Hann kom kristni á landið og hann bjargaði mönnum. Var hann kallaður Leifur hinn heppni.* — ‘Лейв нашел несколько человек на обломках корабля, взял их всех к себе домой и приютил на зиму. Он проявил большее великодушие и доброту тем, что ввел в стране христианство и спас этих людей. Его прозвали Лейв Удачливый’ (Eiríks saga Rauða, пер. М. И. Стеблин-Каменского).

Другой пример: *Og þetta lét Eiríkur eftir Leifi og ríður heiman þá er þeir eru að því búnir og var þá skammt að fara til skipsins. Dreypur hesturinn fæti, sá er Eiríkur reið, og féll hann af baki og lestist fótur hans.* — ‘И в конце концов Эйрик уступил настояниям Лейва. Когда сборы были закончены, Эйрик сел на коня и поехал к кораблю. Ехать было недалеко. Но вдруг конь споткнулся, и Эйрик упал и повредил себе ногу (Grænlandinga saga, пер. М. И. Стеблин-Каменского); *Þann morgun er Eiríkur fór heiman tók hann kistil og var þar í gull og silfur. Fal hann það fé og fór síðan leiðar sinnar. Og er hann var skammt á leið kominn féll hann af baki og braut rif sín og lesti öxl sína og kvað við: “Ái, ái.”* — ‘В то утро, когда Эйрик выехал из дому, он взял с собой ларец с золотом и серебром. Он зарыл ларец и поехал дальше. Но,

проехав немного, он упал с лошади и сломал несколько ребер и повредил плечо. Он воскликнул: «Ай-яй-яй!» (Eiríks saga Rauða, пер. М. И. Стеблин-Каменского). При этом совершенно не важно, что эпизоды из последнего примера играют различную роль в композиционном строении соответствующих саг. В «Саге о гренландцах» падение с лошади служит поводом Эйрику отказаться от поездки в Гренландию, а в «Саге об Эйрике Рыжем» это своего рода наказание за укрытие от жены сокровищ. В данный момент сюжетные совпадения представляют интерес сами по себе.

Одно и то же событие может в одной саге описываться подробно, а в другой — кратко. Так, например, обстоит дело с историей посещения Исландии Тангбрандом. В «Саге о Ньяле» его миссионерская деятельность описывается подробно, занимая пять глав (C–CIV), в то время как в «Саге о людях из Лососьей Долины» эта история занимает лишь несколько строк: *Ólafur konungur sendi til Íslands hirðprest sinn er Þangbrandur hét. Hann kom skipi sínu í Álftafjörð og var með Síðu-Halli um veturinn að Þvottá og boðaði mönnum trú, bæði með blíðum orðum og hörðum refsingum. Þangbrandur vó tvo menn þá er mest mæltu í móti. Hallur tók trú um vorid og var skírður þvottdaginn fyrir páska og öll hjón hans og þá lét Gissur hvíti skírast og Hjalti Skeggjason og margir aðrir höfðingjar. En þó voru þeir miklu fleiri er í móti mæltu og gerðist þá trautt óhætt með heiðnum mönnum og kristnum. Gerðu höfðingjar ráð sitt að þeir mundu drepa Þangbrand og þá menn er honum vildu veita forstöð. Fyrir þessum ófriði stökk Þangbrandur til Noregs og kom á fund Ólafs konungs og sagði honum hvað til tíðinda hafði borið í sinni ferð og kvaðst það hyggja að eigi mundi kristni við gangast á Íslandi. Konungur verður þessu reiður mjög og kvaðst það ætla að margir Íslendingar mundu kenna á sínum hlut nema þeir riðu sjálfir á vit sín.* — ‘Конунг Олав послал в Исландию своего священника, которого звали Тангбранд. Тот прибыл на своем корабле в Альфта-фьорд (Лебединый фьорд) и провел зиму у Халля с Побережья в Тваттс (Купальная Река) и проповедовал людям новую веру как дружелюбными речами, так и суровыми угрозами. Тангбранд убил двух людей, которые особенно резко ему возражали. Халль принял новую веру весной и был крещен в субботу перед Пасхой, а с ним и все его домочадцы. Тогда приняли крещение также Гицур Белый, Хьяльти, сын Скегги, и много других хёвдингов. И все же было гораздо больше тех, которые возражали, и отношения между язычниками и христианами стали враждебными. Хёвдинги сговорились убить Тангбранда и тех людей, которые ему будут оказывать помощь. Узнав об этой угрозе, Тангбранд бежал в Норвегию и явился к конунгу Олаву и рассказал ему, что с ним произошло во время его поездки, и сказал, что не

думает, чтобы в Исландии было принято христианство. Конунг был очень разгневан, услышав это, и сказал, что многие исландцы, как он полагает, сильно пострадают, если только не одумаются' (*Laxdæla saga*, пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман).

Большое значение имеют случаи, когда событие, описываемое в одной саге, лишь упоминается в другой. Так, о распре между людьми из Лососьей Долины и людьми с Фльотсхлида подробно рассказывается в «Саге о Ньяле» (гл. VIII). В «Саге о людях из Лососьей Долины» о ней только упоминается: *Hrútur kvongaðist og fékk konu þeirrar er Unnur hét, dóttir Marðar gígju. Unnur gekk frá honum. Þar af hefjast deilur þeirra Laxdæla og Fljótshlíðinga.* — 'Хрут женился и взял себе в жены женщину по имени Унн, дочь Мёрда Скрипицы. Унн развелась с ним. Из-за этого началась распря между людьми из Лососьей Долины и людьми с Фльотсхлида' (*Laxdæla saga*, пер. В. Г. Адмони и Т. И. Сильман).

Важность примеров вроде последнего заключается в том, что они доказывают осведомленность слушателей (и читателей) саги обо всех событиях, которые служат материалом для саговых сюжетов. Действительно только упомянуть какую-либо распрю, не сообщая при этом подробностей, можно потому, что *об этом и так все знают*.

Здесь необходимо обратиться к сравнению интертекстуальности древнего и современного типов. На первый взгляд в современной литературе можно найти довольно большое количество примеров, сходных с вышеприведенными. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в письменной словесности нового типа переключки между текстами осуществляется принципиально иначе.

Во-первых, для современной литературы необходимо сделать различие между историческими и вымышленными событиями. Для саг, как убедительно это доказал М. И. Стеблин-Каменский⁸, такое противопоставление нерелевантно. В рассказах о вымышленных событиях сюжетные сходства, если речь не идет об откровенном плагиате, скорее редки. Это может произойти, если одно произведение написано по мотивам другого. Такие случаи общеизвестны. Басни Ж. де Лафонтена и И. А. Крылова по мотивам Эзопа, многочисленные переводы и подражания «Памятнику» Горация, «Доктор Айболит» К. И. Чуковского по мотивам «Доктора Дулиттла» Х. Дж. Лофтинга, «Волшебник Изумрудного города» А. М. Волкова по мотивам «Волшебника из страны Оз» Л. Ф. Баума и др.

Однако имеется принципиальное различие. В литературе Нового времени между двумя произведениями, одно из которых написано по мотивам

другого, существует несимметричное отношение приоритета. Так, «Памятник» Горация имеет приоритет по отношению к «Памятнику» А. С. Пушкина, «Волшебник Изумрудного города» — по отношению к «Волшебнику из страны Оз» и т. д. Это проявляется, в частности, в том, что при создании, издании и комментировании текстов «по мотивам», как правило, имеется указание на приоритетный текст. Так, например, А. С. Пушкин указывает на «Памятник» Горация эпитафией *exegi monument*. Ничего принципиально не меняется, если по мотивам одного произведения написано несколько других. В древнеисландской саговой традиции ситуация иная. Если в двух (или более) сагах рассказывается об одном и том же событии, то невозможно определить, какое из указаний обладает приоритетом. Даже в том случае, если такие указания имеют разный объем. В устной традиции повествование легко может быть растянуто или сокращено⁹.

Еще одно существенное отличие заключается в том, что литературно-художественное произведение, написанное по мотивам другого, представляет собой специфический случай, который нельзя признать столь же типичным, как и оригинальное произведение. Для саги рассказ о событиях, известных также и по другим сагам, является совершенно органичной ее частью.

Подведем итог: саги об исландцах имеют отличную от современной прозы информационную структуру. Если роман Нового времени принципиально устроен так, чтобы постепенно вводить новую информацию, то исландская родовая сага ориентирована исключительно или почти исключительно на данное.

¹ Противопоставление «данного» и «нового» часто смешивается с актуальным членением. Формат статьи не позволяет дать подробный анализ различия между первым и вторым. О нетождестве информационной и теморематической структур см.: Тестелец 1980, 2001: 454–457; Чейф 1982; Баранов 1984; Апресян 1988: 10–22; Филиппов 2003: 160; Ковалькова 2010: 15–17.

² См., например: Долинин К. А. Интерпретация текста. Французский язык. М., 1985; 4-е изд. М., 2010. С. 176.

³ Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1948. С. 220.

⁴ Кузьменко Ю. К. Основная единица в тексте древнеисландских саг // Западно-европейская средневековая словесность. М., 1985. С. 62–63; Кузьменко Ю. К. Некоторые синтактико-стилистические особенности периода в древнеисландской прозе // Очерки по историческому синтаксису германских языков. Л., 1991. С. 140–151.

⁵ Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста. Л., 1989. С. 56–64; Пиотровский Д. Д. Взаимодействие временных форм глагола (на материале скандинавских памятников): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 47.

⁶ См., например: Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М., 1982. С. 188.

⁷ См.: Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.

⁸ Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971. С. 14–38.

⁹ Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994. С. 114–141.